

МОНТЕСКЬЕ ОБ АРМЯНАХ

Г. К. МИРЗОЯН

В ярком созвездии имен французских просветителей особое место занимает выдающийся писатель, историк, экономист, теоретик права, социолог и искусствовед Шарль Монтескье. Несомненно, много написано и сказано о его жизни, деятельности и о разных сторонах его богатого литературно-философского наследия, но неверно было бы думать, что сказано исчерпывающе и нам ничего не остается добавить. Наоборот, Монтескье в истории мировой культуры один из тех прославленных Великих, чье наследие не стирается временем, не становится исключительно исторической ценностью. Причина в том, что ко всем обсуждаемым проблемам он находит такие решения, которые уходят далеко вперед в века. Более того, в произведениях выдающегося французского гуманиста ставятся такие вопросы, высказываются такие мысли и суждения, которые, по нашему глубокому убеждению, и поныне не удостоены подобающего внимания, и потому нуждаются в освещении.

В настоящей статье, не видя необходимости обращаться ко всем проблемам, которые волновали великого мыслителя и гуманиста, мы задались целью представить читателю лишь несколько его высказываний о нашем народе, которые и сегодня не потеряли своей актуальности и значительности.

Монтескье был одним из тех деятелей европейской культуры, которые усердно способствовали формированию благоприятного общественного мнения об армянском народе. Скажем еще, что многие из высказываний и суждений великого гуманиста об армянах имеют не только и не столько историческое, сколько актуальное и познавательное значение. С этой точки зрения исключительную важность имеет его первое крупное литературно-художественное произведение "Персидские письма", над которым он начал работать в 1711 г. и закончил в 1720 г. Спустя год оно вышло в свет анонимно, что дало повод для серьезных сомнений и споров. Но вскоре автор становится известен, и в том же 1721 году произведение дважды переиздается. При жизни Монтескье оно имело еще 9 изданий, последнее из которых с авторскими дополнениями и изменениями осуществилось в 1754 г., за год до его смерти. Иначе говоря, великий гуманист всю жизнь работал над этим произведением, а это значит, что высказанные в нем мысли и суждения о нашем народе (мы собрали их из русского перевода последнего издания 1754 г.) являются плодом длительных поисков и размышлений.

Выбрав широко распространенный в 18-ом веке эпистолярный жанр, Монтескье через переписку двух персов поднимает разнообразные общественные, политические, научные, культурные, нравственные, художественные, религиозные и бытовые проблемы, волнующие передовых мыслителей того времени.

Формально основной темой переписки двух персов является военнофеодальная действительность Персии, но на самом деле великого просветителя в первую очередь волнует родная Франция, ее тяжелое настоящее и неопределенное будущее. Разумеется, взяв в качестве объекта изучения персидскую действительность начала века, Монтескье не мог обойти вниманием армянских купцов и ремесленников, игравших в то время значительную роль в экономической и культурной жизни Персии. Более того, иногда искусно используя предоставляемые эпистолярным жанром неисчерпаемые возможности, Монтескье делает предметом рассуждений также господствующий в соседней с Сефевидской Персией Турцией

деспотический строй, строжайше осуждая его, беря косвенным образом под защиту народы, испытывающие турецкий военно-феодалный гнет, в их числе и народ Западной Армении.

О господствующих в Турции деспотизме и произволе Монтескье пишет: "Паши, которые получают свои должности за деньги, являются в провинции разоренными и грабят их, словно завоеванные страны. Наглая солдатня подчиняется только их прихотям. Укрепления скрыты, города безлюдны, деревни опустошены, земледелие и торговля совершенно заброшены.

При этом суровом управлении царит безнаказанность: христиане, возделывающие землю, и евреи, взимающие налоги, подвергаются всевозможным насилиям.

Земельная собственность не охраняется законом, и тем самым подрывается желание повысить плодородие земли: не существует ни купчих крепостей, ни документов на право владения, с которыми бы считалось самоуправство пашей¹. Надо ли говорить, что эти слова Монтескье о неутешительном состоянии "христианских земледельцев" и купечества в Турции, с болью и сожалением сказанные в адрес народов, стонущих под ее деспотическим гнетом, в числе иных, всецело относятся и к крестьянству и купечеству Западной Армении. А если вспомнить, что более полутора веков после того, как были написаны эти слова Монтескье, в Турции мало что изменилось и что, как бы повторяя Монтескье, Ф. Энгельс вновь вынужден был писать, что "любая турецкая и восточная тирания несовместима с капиталистическим строем; прибавочная стоимость ничем не обезопасена от диких рук саграпов и пашей; нет первого основного условия буржуазной прибыли - безопасности личности и собственности купца"², то станет совершенно ясно, ценой каких неслыханных страданий, в каких невыносимых условиях крестьянин в Западной Армении занимался земледелием, а купец торговлей.

Будучи основоположником географического детерминизма, Монтескье видит тесную связь между природно-климатическими условиями страны и физическим строением, состоянием здоровья, духовным и умственным складом и чертами характера ее населения. И поэтому он поднимает свой голос, возражая против таких бесчеловечных явлений, как насильственное выселение и переселение народов, носившие в те времена массовый характер. "Людям следует оставаться на своих местах: существуют болезни, происходящие от перемены хорошего воздуха на дурной, и такие, которые вызываются просто переменой климата.

Воздух, как и растения, насыщен в каждой стране частицами ее почвы. Он до такой степени действует на нас, что им определяется наш темперамент. Перенесясь в другую страну, мы заболеваем. Так как жидкие элементы нашего организма привыкли к определенной консистенции, а твердые - к известному распорядку, то и тем, и другим свойственна определенная степень движения; иной они уже не выносят и всячески сопротивляются новым условиям" (277-278). В подтверждение этой в общем-то справедливой и гуманной посылки Монтескье, наряду с другими примерами, упоминает о более чем век назад имевшем место шахабасском насильственном переселении армян. "Великий Шах Аббас, стремясь лишить турок возможности содержать большие армии на границах, выселил почти всех армян из их страны и послал в провинцию Гилян больше двадцати тысяч семейств, которые в короткое время почти все погибли" (278).

Несомненно, Монтескье прав, говоря о том, что в осуществлении шахабасского массового насильственного переселения армян важную роль сыграли военностратегические соображения. Но безопасность на границах была не единственной, а лишь одной из преследуемых шахом целей. В действительности, дальновидная политика Шах Аббаса служила также завуалированной цели - развитию в Иране торговли, искусства и ремесел.

Интересно, что более чем за полвека до Монтескье выдающийся армянский историограф Аракел Даврижеци во всех подробностях описывая тоже шахабасское переселение армян, буквально с тех же позиций строго осудил насильственное переселение народов. Он

¹ Монтескье, Персидские письма, М., 1956, с. 67 (далее в скобках только страницы).

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, ч. 2, с. 22.

со скорбью заявляет о том, что в результате этого акта переселения несказанное число жертв и потерь понесли не только армяне, но, в частности, и грузины. По-видимому природно-климатические условия Грузии больше, чем у Армении, отличались от таковых в Иране, и поэтому потерь у переселившихся в Иран грузин были много больше, чем потери армян. Историк-патриот, будто на миг забыв о страданиях и потерях, пережитых собственным народом, как мыслитель-гуманист описывает невыносимые страдания и жертвы, понесенные переселенными грузинами. После жестокого разорения Грузии Шах Аббас переселил ее жителей и согнал их в страну Фахрабад. "Но переселенцы,- пишет Даврижеци,- в той стране не умножились, ибо они не были приспособлены к сырому и суровому, удушливому и смрадному воздуху, а также к пище и питью и образу жизни этой страны, поэтому они (переселенцы) начали гибнуть и умирать, и спустя немного времени столько (народу) погибло, что едва из десятиртых один остался (жив). И те, кто остался, спустя некоторое время так изнурились и похудели, страдаемые болезнями и недугами, что не могли заняться каким-нибудь физическим трудом для поддержания жизни своей"³.

От внимания Монтескье не ускользнула исключительная роль в экономической и культурной жизни Ирана переселенных в страну армян, особенно купцов и ремесленников, а также применяемые по отношению к ним на рубеже 17-18 вв. религиозные гонения и преследования. Так, осуждая господствующую в то время в Иране атмосферу религиозной нетерпимости и фанатизма, он пишет: "Ты знаешь, Мирза, что некоторые из министров Шах-Солимина возымели намерение принудить всех персидских армян либо покинуть страну, либо принять магометанство; они думали, что наша империя будет нечистой до тех пор, пока в ее лоне пребывают неверные.

Если бы в данном случае вняли слепому благочестию, персидскому величию пришел бы конец.

Неизвестно, почему это дело не осуществилось: ни те, кто внес это предложение, ни те, кто его отверг, не сознавали его последствий, случай исполнил обязанности разума и политики и спас империю от большой опасности, чем та, которой она могла бы подвергнуться из-за проигрыша какой-нибудь битвы или сдачи двух городов.

Изгоняя армян, рассчитывали в один день упразднить в государстве всех купцов и почти всех ремесленников. Я уверен, что великий Шах-Аббас предпочел бы дать себе отрубить обе руки, чем подписать подобный указ, и что, отсылая самых трудолюбивых своих подданных к Великому Моголу и другим индийским царям, он почел бы, что отдает им половину своих владений" (204-205). Дело в том, пишет Монтескье, что ранее фанатичные магометане на религиозной почве изгнали из страны самых трудолюбивых земледельцев-огнепоклонников, чем сельскому хозяйству был нанесен тяжелый удар. Ныне, мучая армян, пишет Монтескье, "рьяному благочестию оставалось нанести Персии только еще один удар: разрушить промышленность. Тогда империя пала бы сама собой, а вместе с нею, следовательно, пала бы и та религия, процветания которой надеялись этим достигнуть" (205). Думаю, не ошибусь, если скажу, что эти слова великого французского гуманиста 18-го века и сегодня не утратили свою актуальность и звучат как укор и обвинение не только в адрес иранских магометанских фанатиков того времени, но и в адрес религиозной нетерпимости всех времен и особенно в адрес тех наших современников, чьи недалёковидные и бесчеловечные действия вынудили миллионы людей покинуть родной дом и обжитые места и искать будущее в незнакомых и чуждых для них природно-климатических и социальных условиях. Это относится, в частности, и к насильственным выселениям и переселениям, имевшим место в результате межнациональных конфликтов и противостояний постсоветского периода.

Казалось бы, о решающей роли армянских купцов и ремесленников в экономической жизни Сефевидского Ирана, об их вынужденном вероотступничестве или об отрицательных последствиях изгнания из страны, о причинах, предотвративших грозящие стране бедствия и опасности Монтескье сказал все настолько полно и точно, что ничего не остается ни до-

³ Аракел Даврижеци. Книга истории; Перевод с армянского, предисловие и комментарии Л. А. Халантарян, М., 1973, с. 126-127.

бавить, ни уточнить. Однако считаю необходимым сделать одно важное дополнение: речь идет об истолковании причин провала вышеупомянутой политики преследования армян. В действительности, не случай выполнил "обязательства разума и политики" и спас империю от надвигающейся грозной опасности, а упорное сопротивление и героическая борьба этого сплоченного отряда армянского народа и особенно его отважных сынов. Чтобы убедиться в этом достаточно вспомнить, что выдающийся деятель армянской культуры 17-18 вв. - философ, логик, грамматик и богослов Ованнес Джугаеци, лично дискутируя по религиозно-теологическим проблемам не только с магометанскими священнослужителями и философами, но и с двумя персидскими шахами - Шахом Сулейманом и Сулейманом Хусейном, смог убедить их отказаться от программы преследования армян.

В тесной связи с вышеупомянутой Монтескье затрагивает еще одну очень важную проблему, которая, по моему мнению, нуждается в дополнительном истолковании. Согласно Монтескье, в каждой стране граждане, исповедующие негосударственную религию, оказывают ей услуги более полезные, чем исповедующие государственную религию. Причина в том, говорит он, что "первые лишены почестей и, имея возможность отличаться только пышностью и богатством, стремятся приобретать их трудом и берут на себя самые тяжкие общественные обязанности" (205). Монтескье совершенно прав в том, что в те времена почти во всех странах трудные и опасные общественные задачи доставались гражданам, исповедующим негосударственную религию или, что одно и то же, неравноправным и угнетенным слоям населения. Например, в Османской Турции и Иране торговлей занимались в основном евреи, греки и армяне, которые действительно исповедовали негосударственные религии. Справедливо и то, что торговля, приносящая наибольший доход в государственную казну, была одной из тяжелейших общественных форм труда, если не самой тяжелой. Но было бы несправедливо говорить, что упомянутые народы выбрали самую трудную, опасную и ненадежную форму труда из стремления выделиться "роскошью и богатством". В действительности причины были более серьезными. Кстати, к этому явлению обратился и Иммануил Кант, который, в противоположность Монтескье, исходя из принципа врожденности характера народа, объясняет массовое занятие армян торговлей их врожденными торговыми способностями: "У другого христианского народа, у армян, господствует какой-то торговый дух особого рода, а именно: они занимаются обменом, путешествуя пешком от границ Китая до мыса Корсо на Гвинейском берегу; это указывает на особое происхождение этого разумного и трудолюбивого народа, который по направлению от северо-востока к юго-западу проходит почти весь Старый Свет и умеет найти радушный прием у всех народов, у которых они бывают; это доказывает превосходство их характера (первоначального формирования которого мы уже не в состоянии исследовать) перед легкомысленным и пресмыкающимся характером теперешних греков"⁴ (подчеркнуто автором - Г. М.). Мы здесь не можем согласиться с мнением Канта.

С совершенно иной точки зрения подходит к этому явлению современник Монтескье Степанос Даштеци. Он, рожденный стать поэтом и писателем, музыкантом или художником, но, по принуждению жестокой судьбы живущего в Персии армянина, вынужденный сменить крест и евангелие священнослужителя, перо и бумагу поэта, кисть и холст художника на счеты купца и скитаться по разным странам мира, подходит к вопросу с логически противоположных позиций. Исходя из собственного горького жизненного опыта, Даштеци справедливо находит, что армяне выбрали этот опасный и непривлекательный способ выживания не из врожденной склонности к торговле или побуждения выделиться роскошью и богатством, а потому что не имеют "покоя и места, чтоб преклонить главу свою, и все это из-за захватчиков и владычества завоевателей наших, вследствие чего не в состоянии мы приняться за военную, нотариальную или какую-либо иную службу при дворе царском, также потому, что нам не дают покоя, отбирая у нас и обкрадывая нас, желая также помешать во всех искусствах, презирая нас, посему отчаявшись найти где-нибудь средства к существованию, стали мы привержены искусству торговли, и так разбрелись по белу свету и бродим

⁴ Иммануил Кант, Сочинения в шести томах, т. 6, М., 1966, с. 572-573.

по поверхности земного шара. Посему мы появляемся везде и повсюду из-за нашего искусства торговли, как среди христиан, так и среди людей иных исповеданий”⁵.

Сопоставление этих трех точек зрения на действительность, думается, дает право сказать, что истина о том или ином общественном явлении, обнаруженная извне и издалека намного уступает по достоверности таковой, увиденной и прочувствованной изнутри, даже в том случае, если авторы первых двух - великие философы, а автор третьей, хотя и наделен острой философской наблюдательностью, в силу неблагоприятных социальных условий несостоявшийся и нереализовавшийся целиком обывковский малоизвестный поэт-торговец. Несомненно, есть доля справедливости и в первых двух точках зрения, но, как всегда, доля далека от того, чтобы быть целой, хотя и может оставлять впечатление цельности...

Вообще, высоко оценивая роль купечества как в экономическом усилении страны, так и в деле установления экономических, политических, научных, культурных и прочих связей со странами мира, Монтескье, как гуманист-моралист, придает важное значение нравственным чертам торговли и торговца. Очевидно, торговля вместе с положительными чертами имеет и отрицательные, а многие из торговцев выделяются корыстолюбием, жадностью, шарлатанством, мошенничеством и другими человеческими пороками, и все же, говорит моралист-просветитель, немало среди них и людей, с высокими этическими принципами, в числе которых, по его мнению, особенно выделяются купцы-армяне. Тем самым он внушает читателю чувство уважения и доверия к армянину-купцу и вообще к армянину.

В этом отношении чрезмерно важен любовный роман с изящным заглавием “История Аферидона и Астарты”, краткое содержание которого приблизительно таково: в Персии, в одной из семей, принадлежащих еще существующему роду огнепоклонников, брат в раннем возрасте влюбляется в родную сестру и, преодолевая многочисленные трудности и препятствия, в конце концов женится на ней. Так как это по персидскому закону запрещалось, они вынуждены были переехать в Грузию. Спустя год Аферидон возвращается в Персию, с целью получить денежную помощь от родных. Но его надежды не оправдываются, и он возвращается в Грузию, где его ждет еще один суровый удар судьбы: выясняется, что за несколько дней до его возвращения татары напали на город, разрушили его до основания и вместе с многими увели в плен его жену, которую затем продали уезжающим в Турцию евреям, оставив на произвол судьбы их крошку-дочь. С трудом после за евреями, Аферидон просит, умоляет, заклинает вернуть жену. Но все его старания тщетны, так как евреи требуют огромный выкуп - 30 туманов, который равен почти 180 золотым монетам. Он вынужденно обращается ко многим, в том числе и к магометанским и христианским священнослужителям, но тщетно. В конце концов он обращается к одному армянину-купцу и просит купить его с дочерью за 35 туманов. Купец-армянин выполняет его просьбу, и за полученные деньги Аферидон выкупает жену. Возвратившись с нею к армянину-купцу, он просит взять на службу и жену. Мольба супругов растрогала купца-армянина до слез. И так как “армянин был человек добрый, наши горести тронули его” (174).

Проходят годы, Аферидону удается скопить некоторый капитал и заняться торговлей. Впоследствии он утверждает в Змюрнии и живет настолько довольно и счастливо, что не испытывает зависти даже к самому везучему королю в мире. Будучи признательным за все это армянину-купцу перс-огнепоклонник завершает историю своей жизни следующими словами: “Мне посчастливилось разыскать армянского купца, которому я всем обязан, и я оказал ему значительные услуги” (175).

Про армян и Армению Монтескье говорит и в своем блестящем историографическом труде “Размышления о причинах величия и падения римлян”, где войны Понта и других азиатских государств, в том числе и Армении, против Рима справедливо считает освободительными.

Сознавая, что в рамках одной журнальной статьи невозможно коснуться всех мыслей и суждений Монтескье об армянах и Армении, которые заслуживают и требуют обстоятельного изучения, мы хотим затронуть еще один вопрос: из каких источников собрал Мон-

⁵ Степанос Даштеци, Решето с крохами, Матенадаран им. М. Маштоца, рук N 9689, с. 4.

теские эти интересные факты и сведения об армянах-купцах? Разумеется, мы не можем дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, но кое-что сказать можно. Для Монтескье, несомненно, основным источником служили путевые заметки и мемуары известных французских путешественников 17-18 вв. - Жана Батиста Тавернье, Жана Шардена, Мишеля Фебура и других, а также известные сочинения о греческих и римских войнах. Кроме того, он мог использовать также впечатления и сведения, полученные из личного общения с купцами-армянами, которые свободно торговали во Франции и других европейских странах, или услышанные в разговорах о них. Об этом свидетельствует любовный роман "История Аферидона и Астарты", где в лице неизвестного купца-армянина воплотился собирательный образ, наделенный высокими моральными качествами.

Думаю, что изложенного выше достаточно для того, чтобы убедиться, что выдающийся французский мыслитель и просветитель 18-го века Шарль Луи Монтескье был и остается другом нашего народа, который весьма способствовал формированию во Франции и во всем цивилизованном мире справедливого представления об армянах, и в соответствии с этим; положительного отношения к ним.

С сожалением следует отметить, что наш народ, имеющий многовековой опыт переводческой культуры, до сих пор не прочел ни одно из замечательных произведений великого француза на родном языке. Единственная известная нам попытка была предпринята в 30-х гг. прошлого века в Константинополе (1837 г.), когда педагог Ованнес Тер-Карапетыян Прусский перевел великолепный историографический труд "Размышления о причинах величия и падения римлян", озаглавив перевод "Причины величия и падения Римской Империи", однако труд этот остается неопубликованным. В Иерусалиме в хранилище армянских рукописей под номером 687 хранится сделанная в 1839 г. копия, которая прерывается на 22-й главе. Думаю, настало время, хоть и с опозданием, восполнить упущенное до сих пор.

Հ. Ղ. ՄԻՐԶՈՅԱՆ- Մոնտեսքյոն հայերի մասին.- Մանրամասն վերլուծելով 18-րդ դ. ֆրանսիական ականավոր լուսավորչի գրական ժառանգության մեջ հայերի մասին արտահայտված մտքերը, ցույց է տրվում, որ քաջածանոթ լինելով հայ վաճառականության գործունեությանը Մոնտեսքյոն բարձր է գնահատել հայ վաճառականների բարոյական նկարագիրը, որով մեծապես նպաստել է նախահեղափոխական Ֆրանսիայում մեր ժողովրդի մասին հասարակական դրական կարծիք մշակելու գործին, ինչը, ցավոք, մինչև օրս վրիպել է մասնագետների ուշադրությունից: Ըստ այդմ, հարց է դրվում, թեկուզև մեծ ուշացումով, հայերեն թարգմանելու Շառլ Մոնտեսքյոյի «Պարսկական մամակներ» վեպը: